

соответствуют закреплённой в ст. 99 УПК формулировке, что приводит к отсутствию в уголовном процессе такого источника доказательств. В настоящий момент эти протоколы следует отнести к иным документам, а прилагающиеся к ним предметы – к другим носителям информации.

Закон устанавливает, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с УПК (ст. 16). Согласно ст. 103 УПК сбор доказательств производится и до возбуждения уголовного дела. Так, следователь в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении вправе давать обязательные для органов дознания поручения о производстве ОРМ (ст. 36). Полномочиями следователя при определенных обстоятельствах обладает прокурор (ст. 34 УПК). Лицо, производящее дознание, вправе обратиться к начальнику органа дознания с мотивированным ходатайством о даче им поручения соответствующим работникам органа дознания о производстве ОРМ (ст. 39). В то же время в законе закреплена обязанность органов, осуществляющих ОРД, исполнять в пределах своих полномочий поручения органа уголовного преследования и определения суда (постановления судьи) о проведении ОРМ только по уголовным делам, принятым этим органом или судом (судьей) к производству (ст. 8). Таким образом, можно констатировать наличие коллизии норм УПК и закона в части взаимодействия органа уголовного преследования и органа, осуществляющего ОРД, на стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме того, ст. 16 закона устанавливает, что результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; представляться в орган уголовного преследования или суд, в производстве которых находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам. Закон не содержит указания на то, что эти же сведения могут являться поводами к возбуждению уголовного дела, а также основанием для принятия иных процессуальных решений, что представляется неправильным и значительно ограничивает возможности использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании, в том числе до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, пробелы и противоречия в нормах УПК и закона «Об оперативно-розыскной деятельности» значительно ограничивают возможности взаимодействия органа уголовного преследования и органа, осуществляющего ОРД, на стадии возбуждения уголовного дела, а также приводят к отсутствию возможности использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании. Совершенствование этих норм позволит разрешить указанные проблемы и оптимизировать процесс собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, что будет способствовать повышению качества и эффективности рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении.

УДК 343.1

Л.И. Кукреш

ОБЪЯСНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: «ИСКЛЮЧИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ»

Поставленная в выражении «исключить нельзя оставить» запятая позволяет обозначать отношение лица к категории «объяснение» в уголовном процессе, подчеркивать ее правовую значимость, обусловленную функциональным назначением и местом объяснений при производстве по материалам и уголовному делу.

Термин «объяснение» упоминается во многих кодифицированных актах, в том числе более чем в 20 статьях УПК Республики Беларусь. Однако далеко не во всех из них раскрывается его правовая природа и правовая сущность, что вызвало различное отношение и законодателя, и правоприменителя, и ученых к данной категории.

Особенно серьезно рассматриваемая проблема проявляется в уголовном процессе, где судебно-следственная практика пошла по пути признания объяснения, полученного до возбуждения уголовного дела, приобщенного к уголовному делу в материалах административного производства, полученного органом дознания в ходе проверки заявления о преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, в ускоренном производстве, источником доказательств. Предпосылки такого подхода были заложены предшествующим законодательством и сложившейся практикой его применения. В частности, в УПК 1923 г. в ст. 58 упоминается выражение «личные объяснения обвиняемого», которые приравнены к «показаниям обвиняемого», регламентированным в ст. 138 и 139 этого же кодекса. Пришедший на смену УПК 1960 г. в какой-то степени конкретизировал категорию «объяснение», наделяя обвиняемого правом давать их по предъявленному обвинению (ст. 48), а также в связи с заключением его под стражу (ст. 85). Эти нормы с большой долей условности и только предположительно позволяют увидеть связь данных объяснений с предметом доказывания, что является одним из необходимых условий признания их источниками доказательств. Действительно они не могут не быть связанными с обстоятельствами, подлежащими доказыванию (ст. 89 УПК), что указывает на их относимость к уголовному делу. Вместе с тем функциональное назначение «объяснений» в УПК значительно шире. Помимо восприятия их как источника доказательств этот термин употребляется в словосочетаниях, фиксирующих правомочия личности, вовлеченной в уголовный процесс, по обеспечению ею права на защиту своего личного интереса. В частности, закон наделяет судью обязанностью «публичного изложения объяснения» по поводу заявленного ему отвода (ч. 2 ст. 80 УПК 1999 г. и ст. 30 УПК 1960 г.), требует объяснения допрошенного лица по обоснованию причин отказа от подписания протокола следственного действия (ст. 194 УПК 1999 г.; ст. 139 УПК 1960 г.); по обоснованию необходимости восстановления пропущенного срока на обжалование приговора в кассационном порядке (ст. 375 УПК 1999 г., ст. 338 УПК 1960 г.) и т. д. Подобного рода «объяснения» проходят через все разделы действующего УПК, и сущность их не вызывает вопросов. В данном случае речь идет о том, что законодатель не дифференцирует используемые им термины «объяснение», и, в частности, не выделяет те из них, которые являются источниками доказательств, не устанавливает требования к ним, соблюдение которых гарантирует допустимость изложенной в них информации как доказательств. Например, ч. 2 ст. 173 УПК начинается выражением «До возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения...» без конкретизации предмета объяснения и субъекта его дачи, гарантий достоверности полученных данных. Это порождает вопрос о возможности его использования в качестве источника доказательств в случаях, когда данные объяснения будут касаться обстоятельств совершенного преступления.

Сторонники отнесения объяснений к источникам доказательств в уголовном процессе обосновывают свою позицию закреплённым в законе (ч. 2 ст. 88 УПК) таким видом источников как «иные документы, полученные в порядке, предусмотренном...» УПК. Неубедительность данной позиции связана, с одной стороны с тем, что, во-первых, закон не раскрывает перечня «иных документов»,

в силу чего не говорит о включении в них объяснений, во-вторых, не регламентирует содержание объяснения, не приводит его дефиницию, не указывает на объяснение как источник доказательств и, в-третьих, не регламентирует процессуальный порядок дачи, получения, закрепления объяснений в уголовном процессе, не соотносит их с таким источником как показания, не указывает субъектный состав лиц, дающих объяснения и не наделяет их тем комплексом прав и обязанностей, коим обладает лицо, дающее показания. С другой стороны, например, гражданское процессуальное (ст. 178, 185 ГПК), административно-процессуальное законодательство (ст. 6.3, 6.4, 6.5 и др. ПИКоАП) непосредственно закрепляют объяснение, как средство доказывания подлежащих установлению обстоятельств. Так, согласно ст. 6.5. ПИКоАП «1. Объяснение потерпевшего – сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела об административном правонарушении, сообщенные потерпевшим при его опросе, а также при производстве иных процессуальных действий с его участием...». В соответствии со ст. 183 ГПК, определяющей содержание объяснений «Стороны и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица сообщают суду сведения о предмете доказывания, о каждом из фактов, входящих в предмет доказывания, о доказательствах, с помощью которых можно подтвердить или опровергнуть существование этих фактов». Более того (что очень значимо для обеспечения получения информации и ее достоверности) ст. 24.4 и 24.5 КоАП предусматривают административную ответственность в виде штрафа от 10 до 50 базовых величин или арест за ложное объяснение, полученное в ходе опроса правонарушителя, и за отказ от дачи объяснений на досудебном и судебном производстве.

Можно допустить, что законодательная регламентация рассматриваемого вопроса в смежных отраслях права отразилось на укоренении и в уголовном процессе отношения к «объяснениям» как к средству доказывания. Законодатель их в какой-то мере приравнивает к показаниям (см. 10, 18, 21 УПК), которые закреплены ч. 2 ст. 88 УПК в качестве источника доказательств. Однако этот маневр не может заполнить очевидный пробел и правовую неопределенность в одном из основополагающих направлений уголовно-процессуального закона – регламентации института доказательств и доказывания.

Многолетняя дискуссия по поводу признания «объяснения» источником доказательств и опасность признания его недопустимым в ходе судебного разбирательства уголовного дела не будет иметь завершения, пока законодатель не раскроет смысл содержания выражения ч. 2 ст. 88 УПК «иные документы... полученные в порядке, установленном настоящим кодексом» как источник доказательств и не зафиксирует процессуальный порядок дачи, получения и закрепления объяснений, не определит его содержание и место в уголовном процессе, что поднимет к нему уровень доверия органов правосудия. А объяснения – одно из основных средств установления оснований возбуждения уголовного дела и останется таковым до тех пор, пока законодатель не найдет целесообразным, заменить его более тщательными показаниями, полученными в ходе допроса на стадии возбуждения уголовного дела или внести изменения в УПК, касающиеся ответственности за дачу ложных объяснений или отказ от дачи объяснений аналогично изменениям в КоАП и ПИКоАП законом от 28 декабря 2009 г. №98-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности».

УДК 343.13

В.И. Масюк, Л.И. Родевич

ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛОВ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Принципиальное значение в международном праве и в национальных системах права имеет понятие государственной границы, определяемой сферу территориальной юрисдикции государства и сферу действия государственного суверенитета. Существование государственных границ обеспечивается на основе международно-правового принципа их нерушимости. Государственная граница, определяя государственную территорию, способствует реализации международно-правовых принципов суверенного равенства государств, принципа невмешательства во внутренние дела, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации ООН «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН». Указанные положения Республики Беларусь, будучи полноправным членом ООН и международного сообщества в целом, признает и закрепляет приоритет общепризнанных принципов международного права, а также обеспечивает соответствие им законодательства согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь.

В соответствии с ст. 1 Конституции Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику, защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок. В соответствии со ст. 9 и 52 Конституции территория Республики Беларусь является естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа, основой его благосостояния и суверенитета Республики Беларусь, и каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан соблюдать ее Конституцию, законы и уважать национальные традиции. В соответствии со ст. 68 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» нормативные правовые акты республиканских государственных органов имеют обязательную силу на всей территории Республики Беларусь. На основе изложенных положений международного права, Конституции Республики Беларусь и соответствующих им законодательных актов строятся отраслевые институты действия нормативных правовых актов в пространстве.

Территориальное действие уголовно-процессуального закона также обусловлено государственной границей и основано на двух принципах: территориальном (действие уголовно-процессуального закона в пределах Государственной границы Республики Беларусь) и экстерриториальном (действие уголовно-процессуального закона за пределами Государственной границы Республики Беларусь). М.К. Гулялова также выделяет территориальный и экстерриториальный принципы действия уголовно-процессуального закона в пространстве. Территориальный принцип действия уголовно-процессуального закона в пространстве закреплен в ч. 1 ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой установлено преимущественное действие УПК Республики Беларусь на территории Республики Беларусь независимо от места совершения преступления.

Экстерриториальный принцип действия уголовно-процессуального закона закреплен в ч. 2 ст. 3 УПК Республики Беларусь, согласно которой действие УПК Республики Беларусь вне пределов Республики Беларусь соотносится, зависит от места совершения преступления и возможно лишь в перечисленных в указанной части указанной статьи исключительных случаях.